

МОГИЛЕВСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

21 ноября

№ 15.

1883 года.

ЧАСТЬ НЕОФИЦІАЛЬНАЯ.

ПОГРЕБЕНІЕ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННАГО ЕВСЕВІЯ,

бывшаго Архіепископа Могилевскаго и Мстиславскаго.

Въ теченіе своего слишкомъ двадцатилѣтняго управленія Могилевскою паствою, высокопреосвященный Евсевій своею проповѣдническою дѣятельностію, своею добротою, кротостію, всегда привѣтливымъ и ласковымъ обращеніемъ со всѣми снискалъ себѣ самое глубокое и вполнѣ искреннее расположеніе со стороны своихъ пасомыхъ. Это расположеніе, обнаруживавшееся при каждомъ удобномъ случаѣ, сказалось особенно ярко, когда Господу угодно было отозвать къ Себѣ Своего вѣрнаго слугу и когда такимъ образомъ паствѣ пришлось навсегда простаться съ своимъ незабвеннымъ Архипастыремъ. Дни смерти и погребенія глубокочтимаго Владыки (21—24 февраля текущаго года) были временемъ въ высшей степени тяжелымъ,—и не для жителей только Могилева, но, какъ мы увѣрены, для всѣхъ членовъ Могилевской паствы. Описаніе этихъ печальныхъ дней, или точнѣе—описаніе происходившаго въ эти дни около дорогихъ останковъ—составляетъ предметъ настоящаго очерка.

Какъ только врачемъ, въ присутствіи Преосвященнаго Виталія и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, вполнѣ удостовѣрено полное прекращеніе жизни въ высокопреосвященномъ Евсевіѣ,—это было въ 5-мъ ч. по полудни 21-го числа,—тогда же приказано было ударить въ колоколь. Послышался сначала печальный одиночный звукъ, а затѣмъ—раздался полный колокольный звонъ. Тотъ звонъ, необы-

чайный по времени, естественно вызывая у каждого вопрос о причинѣ и въ отвѣтъ съ замѣчательною быстрою облетѣла по всему городу вѣсть о томъ, что закатились дни Владыки, два слишкомъ десятка лѣтъ правившаго Могилевскою паствою. Толпы народа немедленно потекли на архіерейскій дворъ къ той небольшой келли, гдѣ въ послѣднее время жилъ досточтимый Архипастырѣ. Глубокопотрясающую и поразительно-величественную картину представляло послѣднее облаченіе высокопреосвященнаго Владыки. Нельзя было безъ умиленія сердечнаго смотрѣть на этого убѣленнаго сѣдинами старца-архіепископа, когда онъ собравшимся духовенствомъ вынесенъ былъ въ болѣе просторную комнату своего небольшого помѣщенія для облаченія. Онъ посаженъ былъ въ кресла и подъ ноги были положены орлецы. Комната была полна духовенствомъ и народомъ. Впереди другихъ стояли Преосвященный Виталій и начальникъ губерніи. Началось печально-торжественное облаченіе при пѣніи полнаго архіерейскаго хора. Тѣмъ, которые лично знали въ Бозѣ почившаго, предоставляемъ самимъ представить печально-умилительную картину: въ креслахъ старецъ-архипастырѣ, какъ прежде могучій, теперѣ безжизненный, съ рассыпавшимися по плечамъ длинными, бѣлыми, какъ серебро, волосами и опущенными внизъ руками. Вотъ надѣваютъ одну за другой священныя одежды. Протодіаконъ произноситъ постепенно соответствующія слова. Хоръ поетъ соответственныя пѣсни. Среди предстоящихъ полное, глубокое безмолвіе. Голосъ до слезъ растроганнаго протодіакона дрожить все болѣе и болѣе. Наконецъ, прерывающимся голосомъ онъ возглашаетъ: *такъ да просвѣтитсѣ свѣтъ твой предъ чьловѣки, яко да видятъ твоя добрая дѣла*, и почившій Владыка вложенными въ его безжизненныя руки дикиріемъ и трикиріемъ послѣдній разъ благословляетъ народъ. «Тонъ деспотинъ къ архіереа имонъ Куріе филакте. Ис полла эти деспота,» поютъ въ отвѣтъ на благословеніе пѣвчіе. «На вѣки вѣчныя, Владыко,» перевелъ я послѣднія слова пѣвчихъ и невольно поникъ головою, стараясь глубже запечатлѣть въ своей памяти образъ глубокоуважаемаго Архипастыря. При видѣ того свѣтлаго, яснаго выраженія, которое, какъ казалось, было на лицѣ его, какъ-то не хотѣлось вѣрить, что онъ мертвъ, безжизненъ совершенно. Между тѣмъ все происходившее вокругъ утверждало въ этой печальной мысли. Тѣло усопшаго лежитъ на столѣ. Преосвященный Виталій даетъ

благословеніе, и протодіаконъ возглашаетъ эктенію объ упокоеніи новопреставшагося раба Божія, высокопреосвященнаго архіепископа Евсевія. Спустя немного, пѣвчіе поютъ: *со святыми упокой*, и поминаютъ опять того же высокопреосвященнаго Евсевія, а вотъ и «вѣчная память» ему же, возглашаемая дрожащимъ, плачущимъ голосомъ протодіакона. Какъ только кончилась эта первая панихида, Преосвященный Виталій сдѣлалъ благословеніе, и протодіаконъ уже твердымъ голосомъ возгласилъ: *и о сподобитися намъ слышанію св. Евангелія Господа Бога молимъ*. Преосвященный самъ началъ чтеніе, которое вслѣдъ за тѣмъ продолжалось священниками непрерывно до самаго погребенія.

На другой день, т. е. 22 февраля, былъ совершенъ выносъ усопшаго въ лѣтнюю Спасскую церковь, гдѣ самъ покойный Владыка желалъ быть похороненъ. Въ 5 ч. вечера массы народа наполняли большой архіерейскій дворъ. Всѣмъ хотѣлось воздать послѣднее поклоненіе глубоко-уважаемому Архипастырю. Въ числѣ присутствовавшихъ находились—начальникъ губерніи, начальникъ мѣстной дивизіи (лютеранинъ по вѣроисповѣданію) и много другихъ лицъ, занимающихъ высокія общественныя должности. Къ крайнему сожалѣнію, въ комнатѣ, гдѣ лежало тѣло покойнаго, могло помѣститься только одно духовенство. Поэтому никто почти изъ мірянъ не могъ слышать рѣчи, которую произнесъ предъ самымъ выносомъ кафедральный протоіерей о. Петръ Ганкевичъ. Немного сказалъ достопочтенный о. Петръ, но слишкомъ много чувствъ было въ словахъ его. Онъ долго служилъ при покойномъ, былъ любимъ имъ и въ свою очередь горячо любилъ его. Свою рѣчь онъ началъ сравненіемъ настоящаго печальнаго момента съ прежними, когда духовенство собиралось встрѣчать и провожать своего Архипастыря «со славою» и чувствомъ радости и удовольствія въ сердцахъ. «Теперь мы стоимъ у твоего гроба, такъ продолжалъ о. протоіерей, и собрались за тѣмъ, чтобы проводить тебя, досточтимый Святитель, въ мѣсто вѣчнаго упокоенія. Не тебѣ, отходящему, просить у насъ прощенія, какъ это поется въ церковной пѣсни, а намъ, провожающимъ тебя. Твои отношенія къ намъ были чисты и безупречны; мы же много-много грѣшили передъ тобою.» Начавъ развивать эту мысль, о. Петръ зарыдалъ и изъ-за рыданій долженъ былъ прекратить свою рѣчь.— Начался выносъ. Впереди священники несутъ знаки Монаршей ми-

лости къ почившему и икону, поднесенную ему въ день его пятидесятилѣтняго юбилея, а вотъ и самый гробъ, обитый малиновымъ бархатомъ, на рукахъ протоиереевъ... Массы народа стоятъ съ обнаженными головами и творятъ крестное знаменіе, шепча: *упокой, Господи, душу раба Твоего.*—Какъ только вошли въ церковь и поставили гробъ на катафалкъ, взошелъ на кафедру протоиерей о. Василій Лепешинскій и произнесъ слово. Проповѣдникъ весьма удачно выбралъ предметъ для своей проповѣди и произнесъ ее громкимъ и внушительнымъ голосомъ. Его задача была—при видѣ общаго подавляющаго горя, сказать предстоящимъ отъ имени Церкви христіанское слово утѣшенія. Признавъ полную естественность печали объ утратѣ любимаго лица, проповѣдникъ обратился къ біографіи высокопреосвященнаго Евсевія и старался фактически доказать, что какое-то особенное благословеніе Божіе почивало на усопшемъ. «Много даровъ получилъ почившій отъ Господа, сказалъ въ заключеніе проповѣдникъ, но не зарылъ ихъ въ землю, а приобрѣлъ на талантѣ талантъ. «Не даромъ проведена жизнь,» скажетъ свѣтскій человѣкъ, отходя отъ предстоящаго гроба, и такимъ образомъ съ успокоеннымъ сердцемъ выйдетъ изъ церкви. «Почившій Владыка уготовалъ себѣ мѣсто въ свѣтлыхъ обителяхъ Отца Небеснаго», скажемъ мы съ чувствомъ полной радости о неслѣнномъ благѣ усопшаго и, утѣшенные вполне этою мыслию, воскликнемъ вмѣстѣ съ псалмопѣвцемъ: *Господи, буди имя Твое благословенно!*

На слѣдующій день въ 10 ч. утра была отслужена панихида, на которой присутствовали почти исключительно ученики и наставники семинаріи. На этой панихидѣ была произнесена рѣчь преподавателемъ св. Писанія А. П. Пригоровскимъ. Ораторъ началъ и проходилъ свою шестнадцатилѣтнюю службу при покойномъ и, горючо уважая его, особенно тепло сказалъ свою, подъ живыми впечатлѣніями набросанную, рѣчь. Былъ моментъ, когда ораторъ самъ растрогался до слезъ. Голосъ его дрогнулъ, искреннее воодушевленіе послышалось въ словахъ; человѣкъ заговорилъ сердцемъ, а такія слова глубоко затрагиваютъ и волнуютъ слушателей. Вотъ эта рѣчь:

«Высокопреосвященнѣйшій Владыко,
въ Бозѣ почившій Архипастырь и Отецъ нашъ!

«Въ нынѣшній день мы собрались вокругъ тебя, съ тѣмъ, чтобы помолиться Господу Богу объ упокоеніи души твоей, посмотрѣть на

твое, давно знакомое намъ, доброе лице и въ скоромъ времени проститься съ тобою на вѣки. Грустная тяжелая для насъ, больная разлука!... Страдаетъ сердце наше, робѣетъ мысль, замираетъ слово на устахъ при одномъ взглядѣ на твой гробъ. Что-то дорогое наше, нами любимое и священное для насъ скоро унесутъ и заруютъ въ землю. Трөгательно и жалко закатились свѣтлые дни твои послѣ многолѣтней, многотрудной и славной твоей жизни. На нашихъ глазахъ такъ быстро и такъ поразительно погасла твоя земная слава, упало къ гробу твое величіе. Богатый умъ, обширныя знанія, громадная власть, многообразныя почести земныя, — вотъ все оно здѣсь все оставлено тобою, и все ненужнымъ стало для тебя. И ты самъ, какъ будто лишнимъ сдѣлался среди людей, столь рѣдкій между людьми, бывшій столь полезнымъ для человѣчества.

Предъ началомъ твоей серьезной болѣзни, чувствуя себя не совсемъ хорошо, ты одному изъ лицъ, близкихъ къ тебѣ, высказалъ знаменательное желаніе «умереть на служеніи Богу,» — Которому ты неутомимо служилъ съ чистымъ сердцемъ и непорочною душою въ теченіе всей своей земной жизни, въ то же время и точно также служилъ людямъ. Почти годъ назадъ тому (на 5-й недѣлѣ великаго поста, въ среду, при чтеніи великаго канона), въ своей домовой перкви ты почувствовалъ слабость и сказалъ: — «уведите меня отсюда.» Съ тѣхъ поръ ты больше не возвращался въ церковь Божию, не могъ совершать богослуженіе; заболѣлъ и умеръ. Чего хотѣлъ ты отъ Бога, то получилъ отъ Него; но, не смѣемъ сказать, воздали-ль люди тебѣ вполне должно; — чего ты вправѣ былъ желать и ожидать отъ нихъ?! Не знаемъ и того, какъ въ послѣдніе дни свои больной, почти одинокій, въ «новой своей обстановкѣ» ты понималъ и чувствовалъ суету здѣшней, земной жизни! Грустныя чувства и мрачныя думы неволью овладѣвають нами и вызываютъ слезы. Но св. ап. Павелъ, утѣшая събующихъ по умершимъ, говоритъ: *да не скорбите, якоже прочіи, не имущи упованія.* (1 Сол. 4, 13). Т. е. христіанамъ прилично, насколько возможно (для человѣка), не сътовать, не плакать долго по умершему, а молиться, въ ожиданіи общаго всѣмъ намъ воскресенія, и вспоминать дѣла умершаго. *Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ, Слово Божіе, иже взирающе на скончаніе жителства, подражайте еврѣи ихъ и дѣламъ* (Евр. 13, 7). Повинуясь слову св. Апостола, удержимъ

же слезы и вспомнимъ о дѣлахъ покойнаго. Дѣла его скажутъ сами за себя; дѣла объяснятъ намъ самимъ и другимъ, за что мы любили живаго и любимъ умершаго преосвященнаго Евсевія.

«Покойный Преосвященный, всеѣмъ извѣстный по своему уму, былъ милостивъ, сострадателенъ къ ближнимъ и благотворителенъ. Въ теченіе болѣе 20-ти лѣтънаго своего управленія Могилевскою епархіей, онъ помогаль многимъ и очень многимъ нуждающимся—бѣднымъ, немощнымъ, страждущимъ и несчастнымъ; а послѣдній остатокъ небогатыхъ денежныхъ средствъ своихъ завѣщаль на церкви Божіи и монастыри. При великомъ, замѣчательномъ умѣ покойнаго Преосвященнаго, рѣдкая простота и доброта сердца, удивительное великодушіе и кротость всегда и во всемъ управляли его дѣйствіями и проявлялись въ нихъ. Строгій къ самому себѣ, онъ былъ отечески-нѣжно снисходителенъ въ отношеніи къ другимъ. Замѣая недостатки въ комъ либо, онъ съ необыкновенною осторожностію и деликатностію указываль на нихъ и исправляль ихъ. Всегда строгій и точный въ исполненіи обязанностей своего высокаго и труднаго служенія, онъ кротко извиняль и великодушно прощаль недостатокъ этихъ качествъ въ другихъ. Имѣя право и власть требовать и взыскивать съ подчиненныхъ, съ какою бывало вѣжливостію и осторожностію онъ только дѣлаль намеки, напоминанія,—безъ гнѣва, безъ упрековъ. Какая-то сдержанность и нежеланіе обидѣть даже однимъ словомъ всегда замѣчались и чувствовались въ его наставленіяхъ и увѣщаніяхъ. Съ полнымъ уваженіемъ къ личности человека, онъ никогда ничѣмъ не желаль унизить и оскорбить другаго. Со всеѣмъ былъ вѣжливъ, ласковъ, обходителенъ. Одна и та же неизмѣнная, безкорыстная, непритворная, святительская любовь его дѣлала его одинаковымъ и равнымъ въ обращеніи со всеѣмъ. Любовь его долго терпѣла, милосердствовала, не превозносила, не искала своего, не раздражалась, не мыслила зла никому, не радовалась неправдѣ, и сорадовалась истинѣ; все покрывала, всему вѣрила, всего надѣялась, все переносила (1 Кор. 13, 4). Съ полнымъ довѣріемъ къ честности человека, съ глубокою снисходительностію къ его слабостямъ и недостаткамъ, онъ всегда и ко всеѣмъ относился ровно и одинаково. Радовался каждому успѣху нашему въ добромъ дѣлѣ, и своими отеческими совѣтами, опытнымъ умомъ своимъ руководиль насъ къ дальнѣйшей успѣшной дѣятельности, поощряя ее, возбуждалъ насъ къ ней.

«Приходилось тебѣ, незабвенный нашъ Архипастырѣ, переносить и наши недостатки, наши промахи и ошибки въ нашемъ трудномъ дѣлѣ—воспитанія и обученія духовнаго юношества. Съ любовью слѣдилъ ты за нашимъ преподаваніемъ и искренно радовался успѣхамъ его; осторожно указывалъ на недостатки нашихъ научныхъ взглядовъ, и мудро исправлялъ ихъ, терпѣливо и съ надеждой велъ къ большому и большому усовершенствованію ихъ,—безъ насилія, безъ принужденія.

«Христіанское воспитаніе человѣческаго сердца, нравственно-религіозное развитіе и укрѣпленіе его воли, правильное образованіе ума, съ сохраненіемъ физическаго здоровья питомца—всегда составляли главный предметъ твоей нѣжной отеческой заботливости. Христіанская любовь къ Богу и ближнимъ, исполненіе Его святыхъ заповѣдей,—вотъ любимая тема твоихъ общественныхъ и частныхъ бесѣдъ!—Ты добру, правдѣ и честности училъ насъ словомъ и примѣромъ своей жизни; училъ безъ обличеній, безъ громкихъ фразъ и философскихъ разсужденій,—просто, ясно, какъ ясна и проста, но тѣмъ не менѣе убѣдительно сама евангельская истина, проповѣданная тобою. Говорилъ просто и общепонятно, не въ убѣдительныхъ словахъ человѣческой мудрости—не отъ недостатка учености, а чтобъ быть понятнымъ каждому, и тѣмъ доставить пользу. Простой въ словѣ, ты простъ и слишкомъ скромный былъ въ образѣ жизни твоей, постоянно занятый, нерѣдко до поздней ночи, письменными работами по чтенію и истолкованію слова Божія. И сколько прочитано, сколько написано тобою, великій труженикъ, въ типинѣ твоей монашеской келліи. При простотѣ твоего слова, какая сила и глубина мысли въ изъясненіи словъ Божественнаго Спасителя нашего и Его святыхъ Апостоловъ! Всѣ твои мысли и чувства были посвящены Богу. Ты весь жилъ въ Богѣ и для Бога.—Ты указывалъ намъ на высокія, эстетическія наслажденія въ храмѣ природы, часто говоря о ней, какъ учительницѣ таинъ Божіихъ. Незадолго до начала твоей серьезной болѣзни, не смотря на преклонность своихъ лѣтъ, ты по долгу ходилъ и бесѣдовалъ съ нами, какъ будто не чувствуя усталости,—лишая себя необходимаго отдыха и покоя. Бывало, въ Печерекѣ прощаясь съ нами и питомцами нашими и благословляя всѣхъ насъ, ты насъ надѣлялъ глубоко назидательными своими книгами и брошюрами: какъ будто желая еще продолжать свою бесѣду съ нами. И умирая ты не забылъ насъ... Пожертвованная тобою въ

нашу семинарію богатая твоя бібліотека (1480 экземпляровъ) служить и будетъ вѣчно служить для всѣхъ яснымъ доказательствомъ и твоего обширнаго ума и твоей безпредѣльной любви къ духовной наукѣ и духовному юношеству. Этотъ многоцѣнный даръ твой часто будетъ воскрешать въ нашей памяти твой свѣтлый образъ. Разлучившись тѣломъ, ты долго неразлучно будешь жить съ нами бессмертнымъ духомъ твоимъ.

«Покойся же добрый, незабвенный Архипастырь нашъ, въ нѣдрахъ праведныхъ! Господь Спаситель нашъ да причтетъ тя къ лику Святыхъ и насъ помилуетъ, яко благо и человѣколюбець.»

Эта рѣчь была принята и понята всѣми присутствовавшими на панихидѣ, какъ признательная и благодарная рѣчь цѣлаго учебнаго заведенія къ своему долголѣтнему руководителю, своимъ цѣннымъ подаркомъ навсегда оставившему по себѣ память въ этомъ заведеніи.

На вечерней панихидѣ въ тотъ же день сказано было слово протоіереемъ Успенской церкви, о. Іоанномъ Лоренцевичемъ. «Ты явился сюда въ храмъ, въ Бозѣ почившій Владыко, но не для службы, какъ прежде, а за тѣмъ, чтобы мы, тобою поставленные на священное служеніе, совершили надъ тобою послѣднюю службу... Ты мертвъ тѣломъ, но живъ духомъ». Такимъ обращеніемъ къ почившему Архипастырю началъ проповѣдникъ, и продолжалъ: «Какъ христіане, мы крѣпко вѣруемъ, что душа твоя жива, что она еще здѣсь съ нами, среди насъ. Къ ней-то я и осмѣливаюсь обратиться съ своимъ словомъ». Затѣмъ послѣ чистосердечнаго изложенія своихъ мыслей и чувствъ, проповѣдникъ заключилъ свою рѣчь слѣдующими словами: «Оставляя насъ, нашъ Архипастырь, говорилъ проповѣдникъ, и возносясь къ престолу Всевышняго, оставь здѣсь все, въ чемъ мы согрѣшили передъ тобою, чѣмъ оскорбили тебя, чѣмъ возмутили покой твой, унеси отъ насъ одну крѣпкую любовь къ тебѣ, и, продолжая съ своей стороны любить насъ, въ силу этой любви помолись за насъ предъ Отцомъ и Источникомъ любви.» Обѣ панихиды—и утреннюю и вечернюю—совершалъ Пресвященный Виталій, въ сослуженіи съ Ректоромъ семинаріи и многими городскими и подгородными священниками.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №).

А. Скворцовъ.

МОГИЛЕВСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1 декабря

№ 16.

1883 года.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

ПОГРЕБЕНІЕ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННАГО ЕВСЕВІЯ,

бывшаго Архіепископа Могилевскаго и Мстиславскаго.

(Окончаніе).

Съ тяжелою душевною болью встрѣтили почитатели въ Бозѣ почившаго Владыки утро 24 февраля: имъ предстояло тяжелое испытаніе—послѣднее прощаніе съ любимымъ Архипастыремъ. Въ 9 ч. церковный колокольъ возвѣстилъ о началѣ литургіи, на которой въ послѣдній разъ долженъ былъ присутствовать въ Бозѣ почившій. Пасмурная погода вполнѣ соответствовала тяжелому настроенію шедшихъ во храмъ, а этихъ, желавшихъ помолиться за душу незабвеннаго Архипастыря, было безчисленное множество. Довольно обширная церковь была настолько полна народомъ, что многіе, очень многіе не могли войти въ нее и стояли внѣ, дожидаясь крестнаго хода, чтобы тогда взглянуть послѣдній разъ на гробъ почившаго. Среди народа въ церкви стояли ученики семинаріи, мужской гимназіи и воспитанницы женскаго духовнаго училища. Въ служеніи, кромѣ городского духовенства, которое было рѣшительно все, участвовало множество священниковъ, нарочито пріѣхавшихъ изъ сель, чтобы воздать послѣднее поклоненіе усопшему Архипастырю. На правомъ клиросѣ пѣлъ хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ, на лѣвомъ—семинарскихъ, и пѣли очень стройно. Послѣ причастна вышелъ на амвонъ Ректоръ семинаріи, Архимандритъ Александръ. Этотъ проповѣдникъ поставилъ своею задачею начертать нравственный образъ почившаго, какъ

человѣка вообще и общественнаго дѣятеля въ особенности, и предложилъ вниманію слушателей глубоко прочувствованное и поучительное слово.

Такъ только окончилась литургія, Пресвященный приступилъ къ совершенію погребенія. Послѣ третьей пѣсни канона вышелъ на кафедру учитель семинаріи А. В. Троицкій. Рѣчь этого оратора совсѣмъ въ другомъ родѣ, чѣмъ рѣчь г. Пригоровскаго. Тотъ, говоря предъ учениками и наставниками семинаріи, говорилъ преимущественно отъ лица этихъ своихъ слушателей. Троицкій же говорилъ предъ народомъ вообще и явился представителемъ собственно народа (и преимущественно простаго). Ораторъ какъ-бы прислушался къ молвѣ и мнѣніямъ простыхъ людей объ усопшемъ и своими устами высказалъ лишь общій народный голосъ. Вотъ что именно сказалъ г. Троицкій:

«Высокопреосвященнѣйшіи Владыко,
въ Бозѣ почившіи Архипастырѣ и Отецъ!

«Въ эти послѣдніе дни и въ послѣднія минуты ты въ гробѣ своемъ выслушалъ рѣчи представителей духовенства и семинаріи, полныя искреннихъ чувствъ любви и уваженія за твои полезныя труды и заботы, направленныя ко благу и преуспѣянію твоей паствы, духовенства и семинаріи, за твои кроткія и добрыя къ нимъ отношенія.

«Позволь же мнѣ, Святитель Божій, любителю твоего святительскаго служенія у престола Божія, отъ лица твоей многочисленнѣйшей и разнообразной паствы, такъ сильно любившей твое служеніе, отъ имени вотъ этого многотысячнаго народа, собравшагося вокругъ твоего гроба и стоящаго вѣдь церкви въ ожиданіи воздаты тебѣ послѣдній долгъ и въ послѣдній разъ облобызать твою дорогую руку, выразить чувства искренней любви и глубокаго уваженія за твое искреннее, сердечное и благоговѣйное, многолѣтнее служеніе у престола Божія!

«Кто изъ насъ, бл. сл., не испыталъ самъ на себѣ и не видѣлъ на другихъ могущественнаго вліянія твоего, любимый нашъ Архипастырѣ и Отецъ, служенія въ храмѣ Божіемъ? Могъ ли кто не проникнуться молитвеннымъ настроеніемъ, видя твои молитвенно сложенные руки, взоръ твой, устремленный горѣ, голосъ твой, полный благоговѣйнаго чувства?! Боже, какая чудная и поразительная

картина, когда маститый и глубоко любимый Архипастырь своимъ сердечнымъ и благоговѣйнымъ служеніемъ увлекаетъ за собою на молитву свою паству! Разныя службы церковныя своими разнообразнаго содержанія пѣснопѣніями, возбуждая и настройвая глубоко вѣрующую и чуткую къ глаголу божественному душу твою соответственно своему содержанию, невольно возбуждали и настройвали соответственно образомъ и твою молящуюся съ тобою паству. Поистинѣ ты, какъ Евангельскій Пастырь, своимъ святительскимъ служеніемъ вель свою паству туда, куда хотѣлъ, и она, зная голосъ твой и послушная ему, невольно шла за тобой. Кто изъ насъ во дни покаянія, вмѣстѣ съ Андреемъ треблаженнымъ, пастыремъ Критскимъ, другими праведниками и тобою, не сокрушался о грѣхахъ своихъ и не оплакивалъ сквернъ души своей?! Развѣ возможно было не радоваться священной радостію, видя твой свѣтлый и торжествующій ликъ на утрени въ день Свѣтлаго Воскресенія при чтеніи бесѣды Св. Іоанна Златоустаго, при чтеніи этого священнаго гимна торжествующей души христіанской, сподобившейся достигнуть праздника праздниковъ и принять участіе въ трапезѣ духовной?! Кто могъ оставаться равнодушнымъ во дни новолѣтій и въ другихъ случаяхъ при твоей горячей и искренней молитвѣ къ Богу о дарованіи человечеству на новый годъ благъ мира, тишины, обилія плодовъ земныхъ, о дарованіи Царю здравія и долгоденствія, премудрости и разума, градоправителямъ мудрости и силы, судіямъ правды и нелицеприятія, наставникамъ разума и смиренномудрія и пр.—Развѣ мы, слыша твой задушевный призывъ благодарить и славословить Бога, подателя всяческихъ благъ, не благодарили и не славословили Его за Его многообразныя и неисчислимыя благодѣянія къ роду человѣческому вообще и по отношеніи къ каждому изъ насъ въ частности?! Сколько вѣры, искренней любви и благоговѣйной молитвенности слышалось въ твоемъ святительскомъ возгласеніи и въ частности въ возгласѣ: *«Призри съ небеси, Боже, и виждь, и посети виноградъ сей и утверди и, егоже насади десница Твоя.»*—Словомъ, слушая въ теченіе многихъ лѣтъ твое служеніе въ храмъ Божіемъ, полное полною искренней вѣры и любви къ Богу, и возбуждавшее и питавшее въ насъ такія же чувства, мы съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе сроднялись съ тобою духовно, все сильнѣе и глубже любили и уважали тебя за эти святые чувства. Чѣмъ же мы возда-

димъ тебѣ за то, что ты дѣлалъ относительно нашего религіозно-нравственнаго воспитанія?

«Нашъ любимый народный поэтъ, выражая убѣжденіе, на нашихъ глазахъ вполне оправдавшееся, что онъ своими твореніями заслужить себѣ безсмертное имя, сказалъ: «и долго славенъ въ народѣ буду я за то, что чувства добрыя я лирой возбуждалъ». И твое имя, дорогой и незабвенный нашъ Архипастырь-молитвенникъ, за твое святительское служеніе, возбуждавшее въ насъ столько святыхъ и добрыхъ чувствъ, славно будетъ между нами до тѣхъ поръ, пока мы будемъ жить; твой молитвенный и дорогой образъ всегда будетъ жить въ сердцахъ, знавшихъ тебя и слышавшихъ твое служеніе; твое имя на-ряду съ дорогими именами, именами родителей и наставниковъ, будетъ поминаться въ нашихъ ежедневныхъ молитвахъ.

«Теперь же въ послѣдній разъ, въ минуты тяжелой и горькой разлуки съ тобою, будемъ молить тоже горячо и искренно, какъ ты училъ насъ своимъ примѣромъ, Праведнаго Судію, да дастъ Онъ душе твоей за тотъ временный душевный миръ и покой, за ту радость и за ту уладу духовную, какія намъ доставляло твое служеніе, миръ и покой вѣчный, радость и сладость житія райскаго!»

«Да простить мнѣ, Святитель Божій, твоя всепрощающая любовь то, что я неискуснымъ словомъ коснулся твоего святительскаго служенія. А васъ, бл. слухъ, прошу покрыть своимъ великодушіемъ и снисходительностію то, что я, быть можетъ, неумѣло и неполно выразилъ ваши чувства къ горячо любимому вами въ Бозѣ почившему Архипастырю-молитвеннику Евсевию.»

Вся эта рѣчь была произнесена громко, выразительно, и была выслушана отъ начала до конца съ полнымъ и глубокимъ вниманіемъ. Наступало между тѣмъ время пѣнія, повергающей слушателей на колѣна, церковной пѣсни: *со святыми упокой*. На кафедрѣ появился законоучитель мужской гимназіи, протоіерей о. Стефанъ Гласко и произнесъ слѣдующее назидательное и полное фактическихъ данныхъ слово:

«При видѣ гроба, вмѣщающаго останки почившаго въ Бозѣ Архипастыря, о чемъ приличіе говорить здѣсь, какъ не торжественно, съ умиленіемъ сердца, провозгласить высокую истину Божественнаго откровенія: *вѣмъ, яко аще земля наша храма тѣла разорится, созданіе отъ Бога имамы, храмину нерукотворенну,*

вѣчну на небесахъ (2 Кор. 5, 1)? Что можетъ быть, при молитвенномъ къ Богу обращеніи объ усопшемъ, утѣшительнѣе для скорбящихъ слушателей, какъ многократное напоминаніе словъ Св. Апостола съ сего священнаго мѣста: «знаемъ, что когда земный нашъ домъ—эта храмичка разрушится, мы имѣемъ отъ Бога жилище на небесахъ, домъ нерукотворенный, вѣчный?»

«О, Боже Всемогущій! Тебѣ угодно было изъ брэннаго тѣла воззвать къ Себѣ душу сего благаго раба Твоего, друга истиннаго просвѣщенія, друга святыхъ добродѣтелей,—да будетъ воля Твоя! Кто мы, чтобы смѣть вопрошать Тебя о судьбахъ Твоихъ, непостижимыхъ слабому смертному? Кто мы, чтобы дерзать возносить къ Тебѣ жалобный вопль о кончинѣ избранныхъ Твоихъ, присныхъ и любезныхъ нашему сердцу? Да будетъ воля Твоя всеблагая и всевятая! Теперь-то для насъ время о всемъ благодаренія и преданности: Промыслу Всевышняго. Только по чувствамъ глубокаго нашего уваженія и любви къ усопшему Святителю, припомнимъ хотя мало о многихъ трудахъ и пастырскихъ свойствахъ, по которымъ съ увѣренностію можемъ надѣяться, что Правосудный Мздовоздаятель упокоитъ душу его въ храмичѣ нерукотворенной, вѣчной на небесахъ.»

«Окончивъ свое воспитаніе въ высшемъ разсадникѣ духовнаго просвѣщенія подъ сѣнію преподобнаго Сергія и воспріявъ иночество въ его обители, покойный Архипастырь вступилъ непосредственно на поприще воспитанія другихъ. Не по многому времени судилъ ему Господь посвятить свои силы и труды тому самому учебному заведенію, гдѣ довершено было и его собственное образованіе, здѣсь онъ положилъ доброе начало преподаванію науки (церковное право), которая до него не входила въ кругъ предметовъ духовнаго просвѣщенія. Необычайное усердіе къ своему дѣлу, рѣдкое умѣнье ясно и точно передавать свои познанія отличали молодого наставника. Много трудился онъ, какъ одинъ изъ первыхъ участниковъ, въ томъ духовномъ періодическомъ изданіи, которому при немъ было положено начало, которое и нынѣ продолжается при Московской духовной академіи для назиданія благочестивыхъ христіанъ. Вслѣдствіе всего этого, въ нѣсколько лѣтъ, онъ справедливо заслужилъ особенное благоволеніе и расположенность приснопамятнаго великаго святителя Московскаго Филарета и поставленъ былъ во главѣ академіи сначала Московской, а потомъ—Петербургской. Насталъ, наконецъ, новый періодъ жизни для покой-

наго — періодъ святицельскаго служенія Церкви и Отечеству продолжавшейся болѣе 35-лѣтій. Если велика ревность, велики труды усопшаго были и прежде, то теперь эта ревность и эти труды еще болѣе возвысились. Три епархіи были преемственно поприщами его пастырскихъ подвиговъ: Самарская, Иркутская и Могилевская. Первая изъ этихъ епархій при немъ была открыта, и сколько заботъ и трудовъ нужно было ему перенести здѣсь! Нужно было заводить все, нужно было заботиться объ основаніи училищъ, и эта забота была самою близкою сердцу покойнаго; нужно было умножать число храмовъ, благоустроить міръ, и повоинный дѣлать все, что только было въ его силахъ и власти. Немало подвиговъ пастырской мудрости и ревности скончавшагося Святителя нужно было и въ Иркутской епархіи. Иркутская епархія вмѣщаетъ въ себя и вѣрныхъ чадъ Церкви Христовой, отъ малайскихъ поклонниковъ, послѣдователей Магомета, и разнородныхъ язычниковъ; въ Иркутской епархіи — этой многогруднѣйшей паствы — явилъ онъ все богатство пастырской ревности и истинно-апостольскихъ трудовъ! Весьма часто предпринималъ онъ путешествія по неизмѣримому пространству своей паствы, — иногда по такимъ мѣстамъ, которыя до него считались непроходимыми, — совершалъ путешествія во всякое время года — и подъ лѣтнимъ зноемъ и подъ суровымъ небомъ осеннимъ и въ лютыя сибирскіе морозы, и вездѣ, гдѣ являлся онъ, бесѣдовалъ, вразумлялъ, наставлялъ, и Господь видимо благословлялъ усилія ревностиѣйшаго по вѣрѣ Архипастыря: тысячи душъ, обращенныхъ имъ ко Христу, доселѣ благословляютъ память своего просвѣтителя и благодѣтеля. Наконецъ, Иркутскъ не забудетъ, что провидѣніе предоставило усопшему пастырю совершить здѣсь и чрезвычайное служеніе — возложить руки на двухъ благовѣстниковъ Христовыхъ и сихъ новопоставленныхъ іерарховъ благословить въ далекій путь — въ Америку и на побережья Ледовитаго моря. Дѣла послѣднихъ 22 двухъ лѣтъ почившаго іерарха близки къ намъ. Они причислили его къ лику іерарховъ Правительствующаго Собора отечественной Церкви, которой много пользы принесъ онъ какъ живымъ дѣятельнымъ участіемъ въ управленіи, такъ и многочисленными своими сочиненіями, которыми занимался всю свою жизнь! Могилевская паства имѣла особенное счастье видѣть въ его лицѣ чистоту православія и благочестія, святость жизни и благотворенія.

«Пасите, еже въ васъ стадо Божіе... усердно... и образи бывайте стаду» (1 Петр. 5, 2, 3.), молиль нѣкогда св. Апостоль Петръ пастырей Церкви. И усопшій Отець нашъ исполняль это апостольское завѣщаніе съ постоянною ревностію. Вспомнимъ, бр., съ какимъ горячимъ усердіемъ совершалъ онъ священнодѣйствія во храмахъ, съ какимъ пламеннымъ моленіемъ приносилъ онъ Богу безкровную жертву, возносилъ умъ и сердце и воздѣвалъ руки свои къ небу. Если посѣщалъ онъ грады и веси своей паствы, то совершалъ это дѣло не нуждею, но съ чистымъ и благимъ изволеніемъ къ распространенію славы Божіей, къ пользѣ и наставленію служителей алтаря и къ общему назиданію вѣрующихъ. Найдутся ли такіе, которые, ставъ предъ гробомъ симъ, по совѣсти, съ сознаниемъ своей прачины, высказали бы свои обиды на мирно почивающаго Архипастыря? Гдѣ вы, невинно оскорбленные его словомъ, дѣломъ? Гдѣ вы, получившіе отъ него обиды, огорченія? Напрасно будемъ искать гнѣвающихся на него, ибо неправда не находила мѣста въ его дѣйствіяхъ; кротость и смиренномудріе его далеко гнали отъ себя гордость и своенравіе; тихость и правосудіе, молитва, призрѣніе и заступленіе бѣдныхъ и сиротъ, любовь и благонамѣренность, наконецъ, чистота и дѣвственность, — вотъ тѣ славныя свойства, которыми всегда украшалась святительская жизнь его. Самъ Благодѣйствійшій нашъ Государь Императоръ, въ ознаменованіе особеннаго своего благоволенія, препровождая къ нему орденскіе знаки св. равноапостольнаго князя Владиміра въ день юбилея 50-ти-лѣтняго служенія въ священномъ санѣ, торжественно, предъ Отечествомъ, въ Высочайшемъ рескриптѣ свидѣтельствовалъ о высокиихъ пастырскихъ качествахъ на всѣхъ мѣстахъ полувѣковаго служенія его.

«Итакъ, сѣгующіе братія и чада Церкви Христовой! Преклоняясь предъ великими добродѣтелями и незабвенными заслугами доблестнаго Архипастыря, благоговѣнно облобызаемъ десницу его, щедрявшую насъ въ жизни и милостиво благодѣявшую всѣмъ намъ. Да сопутствуемъ, выѣстѣ съ тѣмъ, отходящему отъ насъ усопшему иерарху искренними молитвами къ вѣчному Пастыреначальнику, Господу нашему Іисусу Христу, дабы вселилъ Онъ, Всеблагій, душу его въ царствѣ славы Своея и въ мѣстѣ нескончаемаго блаженства. Прости насъ, разлучающійся съ нами пастырь нашъ, судья и наставникъ нашъ! Прости, — но не оставляй насъ духомъ своимъ и выну поминай

у Престола Господня на небеси, идѣже предстоять будешь, какъ уповаемъ. Мы же и нынѣ предъ земною храминою твоею извѣствуемъ и всегда извѣствовать и памятовать будемъ, что ты, прешедый отъ насъ Святитель въ лоно блаженной вѣчности, былъ одинъ изъ числа тѣхъ рѣдкихъ мужей, которыхъ *тѣлеса въ миръ погребена быша, а имена ихъ живутъ въ роды: премудрость ихъ повѣдаютъ люди, и похвалу ихъ исповѣсть Церковь* (Сир. 14, 13—14)».

Эта проповѣдь, очень хорошо произнесенная, произвела большое впечатлѣніе на слушателей. Предъ послѣднимъ цѣлованіемъ, оставши на ступени катафалка, сказалъ послѣднюю прощальную рѣчь самъ Преосвященный Виталій. Какою-то особенною сердечностью и меланхолическою задумчивостью звучали слова Преосвященного, когда онъ упомянулъ о полученіи отъ почившаго Архипастыря въ даръ его панатій и о своемъ жребіи отдавать усопшаго послѣднимъ свиткомъ разрѣшительной молитвы. Продолжая далѣе свою рѣчь, Преосвященнѣйшій Владыка съ замѣчательною вѣрностію охарактеризовалъ кончину усопшаго страдальца-святителя, бывъ при своихъ частыхъ посѣщеніяхъ въ предсмертной его болѣзни очевиднымъ свидѣтелемъ тѣхъ невыносимыхъ мукъ, какія испытывалъ онъ, и той непреодолимой силы терпѣнія, любви и преданности Господу, какую онъ обнаруживалъ въ себѣ до послѣднихъ минутъ своей жизни. Поэтому-то Архипастырь-проповѣдникъ высказалъ твердое упованіе, что отпетѣвшая душа «соименника благочестія» предстоитъ нынѣ Великому Царю-Христу, исполняясь горняго свѣта. Испросивъ далѣе отъ почившаго Святителя благословеніе на себя и на всю паству, Преосвященный Виталій заключилъ свою рѣчь молитвеннымъ обращеніемъ къ Господу и Владыкѣ живота объ упокоеніи души преставшагося Святителя, высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Евсевія и возгласилъ ему вѣчную память.*

Кончилась эта рѣчь—началось послѣднее цѣлованіе. Затѣмъ гробъ былъ снятъ съ катафалка, обнесенъ вокругъ храма съ хоругвями и крестомъ и опущенъ въ могилу, которая по указанію Преосвященнаго Владыки, вырыта была въ той же церкви предъ самымъ алтаремъ правого придѣла, у стѣны.—Послѣ краткой литіи всѣ присутствовавшіе разошлись по домамъ. Это было въ исходѣ 4-го часа по-полудни.

* Эта рѣчь будетъ помѣщена въ слѣдующемъ № нашихъ «Вѣдомостей».

Позволяемъ себѣ закончить настоящій очеркъ словами св. Апостола Павла: *поминайте наставники ваши, иже глаголаша вамъ слово Божіе, иже взирающе на скончаніе жителства, и подражайте имъ* (Евр. 13, 7). Слова эти имѣють полнѣйшее приложеніе къ высокопреосвященнѣйшему Евсевию, Постояннѣйшему и неотомимый проповѣдникъ слова Божія, считавшій лучшимъ временемъ своей жизни свою апостольскую жизньъ среди бурятей и всегда съ душевнымъ восторгомъ рассказывавшій объ этихъ, полныхъ всевозможныхъ лишеній, трудахъ въ холодной, непривѣтливой Сибири и наконецъ духовный писатель, имѣвший въ виду всегда одну только цѣль—нравственное назиданіе, онъ былъ *наставникъ* по призванію, былъ учитель, поставлявшій въ дѣлѣ проповѣданія божественныхъ истинъ всю свою жизненную задачу. И не на устахъ только была вѣра его во Христа, Котораго онъ проповѣдывалъ: чистоту и искренность своихъ убѣжденій онъ подтверждалъ всею своею нравственно-безупречною жизнію, съ юности посвященною Богу, свою твердую, непоколебимую вѣру онъ засвидѣтельствовалъ своею, вполне христіанскою кончиною. Страшныя физическія страданія на предсмертномъ одрѣ не послужили для него искушеніемъ; напротивъ, какъ древній мученикъ, открыто исповѣдывалъ онъ свою вѣру. «Вѣрую, Господи, и исповѣдую, яко Ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго»—вотъ слова, которыя особенно часто повторялъ проповѣдникъ распятаго Христа. Нельзя не подражать такимъ высокимъ и многознаменательнымъ примѣрамъ и нельзя не быть обязаннымъ вѣчною памятію такимъ великимъ учителямъ-наставникамъ, являюи и внушающъ св. Апостолъ въ приведенномъ изреченіи.—И Христосъ Спаситель, скажемъ въ заключеніе, не оставилъ своего проповѣдника, служившаго Ему въ теченіе всей своей жизни: высокопреосвященный Евсерій умеръ очищенный божественною благодатію, и низшедшею на него во св. таинствахъ—исповѣди, причащенія и елеопомазанія.

А. Скворцовъ.